

"На перекрестке Степовой мы нынче дружно заседаем..."

Литераторы – народ веселый и любящий жизнь (ну, встречаются иногда пессимисты и мизантропы, но их меньшинство). А так – все веселы (и, возможно, немного пьяны). Особенно на юге. Особенно в Одессе. И тем более, если литераторы эти – начинающие.

Ну и что ж, что начало двадцатых, время голодное, холодное и мрачноватое. Главное, чтобы компания была хороша, – собраться, почитать написанное, поговорить... А еще лучше, если их, компаний этих, несколько.

В 1922 году появляется в Одессе литературный кружок "Потоки Октября". Серьезный, профессиональный, существовал более четырех лет, даже одноименный альманах выпустил. Одним из организаторов кружка был Илья Чернов, а душой – Эдуард Багрицкий. Именно он прививал вкус к хорошим стихам вчерашним наборщикам и рабочим, а ныне начинающим поэтам. Впрочем, далеко не все потоковцы были "от станка". ("От сохи" был только один Иван Микитенко, будущий классик украинской драматургии.) Среди приходивших на заседания были и Лев Славин, и Сергей Бондарин, и Татьяна Тэсс, будущая звезда советской журналистики.

Собирались потоковцы в железнодорожном клубе на Степовой улице "в комнате со шкурой белого медведя на полу и небольшим, круглым, словно для игры в карты, столом посередине". Заседания проходили два раза в неделю – в среду и субботу. По средам знакомились с произведениями классиков и новинками литературы, а в субботу проводились литературные вечера, на которых члены кружка читали свои новые произведения. По воспоминаниям, заглядывал к ним и Исаак Бабель. Один (или одна) из участников застенографировал такое заседание в стихах. Вот какая картина получилась:

Мария ТАРАСЕНКО

Потоки

(дружеские укоры)

На перекрестке Степовой
Мы нынче дружно заседаем,
Единый рокот огневой
Связует нас – и мы сияем!
Тяжелый Беклин на стене,
В углу у входа ангел юркий.

Вода в граненом кувшине,
Бычки, цыгарки и окурки.
Струится дым, течет вода,
Потоки патоки и пота.
Еще не выдохлась "среда",
Как надвигается "суббота".
Да будет! Запускаем бой
и вот, глазищами моргая,
Встает Чернов "как таковой",
За ним жена "как таковая".
Зачем же, дорогой Чернов,
Питать такую злость на Гехта?
О Баршт! О Тэсс! О Резников!
Необходимо высечь всех-то.
Страшитесь! Встанет Эдуард,
Сверкая впадиной зубною,
Гехт Соломон войдет в азарт,
Тряся еврейской головою.
Сергей Бондарин — всякий слышит
О яблоке, о наливном.
Смотрите: он прекрасно дышит
То самогоном, то вином.
И ты, Борисов Алексей,
Скажи, брат хитрый, сколько суток
В далекой юности своей
Описывал ты проституток?
Вступая в лоно поэтесс
Мы мыслим: лоно есть ли лужа?
О истерическая Тэсс,
Скорее обретайте мужа.
Чье слово мед и каждый слог
Симптоматичен и размерен
Он древле — ассирийский бог,
А ныне только доктор Верин.
Захаров, экс-имажинист,
В ближайшем — яркий коммунист.
Пусть спереди невзрачен он,
Зато он сзади превосходен,

И пусть на Пильняке возвращен,
Но все же в интернат пригоден.
Довольно, суетный, остынь.
Да будет мир меж вами, дети,
Заканчиваем строки эти
Атеистическим "аминь".

Журнал "Силуэты", 1923, № 6-7

"Беклин" — по воспоминаниям, в комнате висела репродукция модной в начале века картины А. Беклина "Остров мертвых".

"Потоки патоки и пота" — авторство фразы в воспоминаниях приписывается Э. Багрицкому.

Чернов Илья, один из основателей кружка. Его жена постоянно присутствовала на заседаниях. Семен Гехт вспоминал: "За столом прочно усаживался Илья Чернов с женой, в супружестве тоже полюбившей поэзию".

Гехт Семен Григорьевич (1900/1903? — 1964) писатель, автор воспоминаний о "Потоках Октября".

Баршт Аркадий — по словам Гехта, "рабочий с табачной фабрики, признающий Гейне за то, что его признал Карл Маркс".

Тэсс Татьяна Николаевна

Резников Анатолий, один из основателей кружка, поэт, прозаик, считался одним из самых талантливых в "Потоках". Кирсанов, негативно отзываясь о потоковцах, делал для него исключение: "есть один талантливый парень — Резников".

Эдуард — Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895-1934) — поэт, автор сборника стихов "Юго-Запад".

Бондарин Сергей Александрович (1903-1978) — писатель, автор воспоминаний о "Потоках Октября".

"Наливное яблоко" — поэма Сергея Бондарина, которую он с успехом читал на всех литературных вечерах.

Борисов Алексей Михайлович (1887-1973) — писатель, журналист.

Захаров Георгий Яковлевич (1898-1964) — писатель.

Пильняк Борис (18-19) писатель. Дискуссии о его творчестве были постоянной приметой литературной жизни 1920-х годов.

Бурные перепалки случались часто. Гехт вспоминал об одном из подобных споров о стихах Кипплинга:

"Баршт ворчал, что в поэме действуют офицеришки, а мы офицеров загнали и так далее. У Багрицкого потом этот вечер был описан в лихой пародии, где обо мне сказано:

Он выступил раз и выступил два, и слова его были просты.

— На Кипплинга лаешь, — он сказал, — покажи мне, как пишешь ты".

К сожалению, пародия Багрицкого не сохранилась.

В том же 1923 году молодой и, скажем честно, нахальный поэт Семен Кирсанов так описывает литературную жизнь города: "В Одессе существуют кружки: 1) "Потоки". Это

пролетарские поэты и писатели – порядочная пакость...". И вскоре при активном участии Кирсанова появляется "Юголеф". То есть Южный Леф. Левое искусство, одним словом.

По одной версии, деньги на затею давал модный дамский портной Исаак Корчик, имевший "счастье" быть отцом юного дарования. По другой – служебное положение и казенные деньги использовал в литературных целях поэт-коммунист Леонид Недоля-Гончаренко. Он был заведующим одесским отделением Госиздата и при первой же встрече с левыми поэтами и художниками Одессы "дал нам понять, что его положение в Госиздате открывает широкие возможности для пропаганды наших художественных взглядов и издания произведений лефовцев, вплоть до выпуска лефовского журнала", – вспоминал театральный художник Николай Данилов.

При такой материальной поддержке юголефы вполне могли выпускать журнал, редактором которого, естественно, стал Недоля. В отличие от других литературных организаций Одессы, кроме журнала у них была своя печать, настоящие членские билеты, книжный ларек, действовали театральная мастерская "Этмас" и изосекция Юголефа. Даже кафе. "РОЖ" называется – Работа, Отдых, Жратва. Сергей Бондарин вспоминал: "В целях эпатирования буржуазии мы в ресторанчике, который должен был служить, по нашему замыслу, материальной базой для идеологической надстройки, время от времени устраивали незамысловатые инсценировки ... с улицы вдруг раздавалось как бы церковное пение: открывалась дверь, группа молодых людей и девушек вносили просмоленный, как лодка, черный плоский гроб. В гробу лежал человек и курил. Случалось, ложился в гроб и я". Такую картину увидели однажды столичные гости. "Миша Голодный поперхнулся. Светлов молча проводил глазами процессию ... оглядел онемевших за столиками посетителей и, улыбаясь, спокойно сказал:

– Интересно, тот парень, что лежит в гробу, он и олицетворяет собой левое искусство? ... Если так, то едва ли стоит ему так беспечно покуривать: есть над чем подумать".

И реклама у юголефов соответственная. Вот как прививали они любовь к чтению народным массам: "Книгу жуя, жми буржуя", "Только животное и идиот не нуждаются в книге".

Коллег по перу (то есть потоковцев) недолюбливают. Риторический вопрос "Как пишут потОкоВЦЫ!?". Тут тебе и вопрос, и ответ. Правда, вышеупомянутый Сергей Бондарин состоит членом и "Потоков", и "Юголефа".

О выступлениях юголефов много пишут газеты. Вот такая, например, заметка:

"Состоявшееся 19 мая ... собрание... привлекло большую аудиторию. У входа плакат: "Пьяным и крашеным не входить". ... Читают свои стихи Л. Недоля, С. Кирсанов и С. Бондарин. ... Работы т. Недоли отличаются стремлением к освобождению от образа, который заменяется конденсацией фразы. Шумные и разнообразные отзывы встречают стихи т. Кирсанова с "сомнительным выражением". Критикой Юголефа установлен принципиальный взгляд на этот вопрос. В стихах т. Бондарина критика отмечает выдержанную марксистскую мысль". Неизвестно, что за стихи читал Кирсанов. Возможно, описывающие заседание Юголефа.